

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Пирогова Алексея Александровича на тему: «Социально-философский анализ воздействия благотворительности на формирование пенитенциарной системы», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия.

Социально-философский анализ воздействия благотворительности на формирование пенитенциарной системы одна из тех тем, которые сами по себе уже носят характер новизны, вытекающей из актуальности институционализации возвращающихся в российское общество тех связей и отношений, о которых оно забыло, пребывая в состоянии противоположном прошлому своему состоянию. Движение в умершую эпоху, по выражению К. Маркса, требует возвращения к тем формам связей и отношений, которые непосредственно вытекают из отношений частной собственности, инкорпорированной в систему государственного управления, но сохраняющей свою самостоятельность и влияние вне опосредований государством. Одной из форм непосредственного влияния частной собственности на общество является благотворительность как деятельность по вспомоществованию нуждающихся в сохранении или изменении положения в наличествующей социальной структуре. Автор, избегая узкой интерпретации благотворительности видит в ней социально значимую деятельность, направленную на целые государственные институты, на пенитенциарную систему, расширяя понятие благотворительности «предполагающее участие в процессе групп лиц и создание социально-значимых проектов» (С. 22 дисс.). Вместе с тем актуальной является разработка философской рефлексии предметной области пенологии, науки об исполнении всех уголовных наказаний, поскольку, заявляет автор «в области пенитенциарной системы мы видим ряд феноменов и смыслов, нуждающихся в философской интерпретации» (С. 5 дисс.). В целом можно констатировать, что актуальность представленного исследования обусловлена как теоретически, так и практически, тогда как степень разработанности заявленной тематики не в полной мере соответствует назревшим потребностям разработки механизмов социального воздействия гражданского общества на политические институты, в коих государственное принуждение представлено наиболее выпукло.

Разделяя на традиционную и новую благотворительность (С. 22-23) автор, в новой благотворительности видит ее субъектов в виде фондов, а под получателями благ не только социальные группы, но и целые системы и даже страны, добавляя к новым формам волонтерство и социальную опеку. Такое уже широкое видение благотворительности не исчерпывается, а в последующем исследовании добавляется, все расширяясь, в результате наблюдений автора. К благотворительности автор относит филантропию, спонсорство, меценатство, волонтерскую деятельность, денежное пожертвование, сбор средств в Интернете, поддержка посредством СМС, социальное предпринимательство, краудфандинг и прочие денежные формы жертвования, которые все-таки «по-прежнему связывают с эффективным решением проблемы социального неравенства» (С. 26-27 дисс.). Однако проблеме социального неравенства, автор в последующем своем исследовании практически не уделяет внимание, но открывает для нас иные объекты благотворительного инвестирования – социокультурные ценности, которые являются «фундаментом демократического общества нового типа» (С. 86 дисс.). Помимо роста форм доставки денежных пожертвований до реципиентов, изменяются и сами реципиенты, это не только

люди, но и дети и лица из состава спец контингента пенитенциарных учреждений, а также и животные. Последним в исследовании уделено не мало внимание и не случайно, потому что научное сообщество и доноры обязаны, по мнению П. Сингера, а автор с ним солидаризируется, переориентировать свое внимание на взаимосвязь благотворительности со всем окружающим миром, экосистемой, природой (С.27 дисс.). Этот крайний взгляд на благотворительность, исходящий из равных прав людей и животных, занял некоторое место в философском осмыслении благотворительности, представленного автором, отняв его у детей и спец контингента.

Стремясь удержать исследование в рамках философии, которая только одна в состоянии благотворительности предоставить подобающее ей место в рефлекслируемой системе существующих отношений, автор обращает внимание на отношения, которые не требуют денежного замещения и включает их в понятие «благотворительность». Так автор благотворительность увидел в «действенной любви», вслед за Ортегой-и-Гассетом, чуть позже в гуманизме (С. 35 дисс.), в нравственности (С. 36, дисс.), в религии. Для того чтобы обосновать благотворительный характер религии, автору пришлось не делу, а слову придать значение дела (С. 156, 158 дисс.), а божественному слову как благому делу (С. 148 дисс.) и все философское осмысление воздействия благотворительности на пенитенциарную систему, сконцентрировать на религиозной благотворительности. Завершением исследования являются «результаты социально-философского анализа в виде уникального авторского опыта благотворительности в условиях современной российской пенитенциарной системы (С. 175 дисс.), в последнем параграфе третьей главы, которая связана с религиозной благотворительностью.

В целом, представленное исследование носит теоретический характер, автором проделана уникальная работа в определении новой благотворительности, в демонстрации эволюции представлений о благотворительности и пенитенциарной системы, о их взаимовлиянии и взаимоопределении, а вместе с тем и взаимоизменении. В результате проделанной работы, последовательного решения задач, автор успешно достигает поставленной цели, положения выносимые на защиту в тексте исследования получают обоснованную аргументацию, научная новизна состоятельна.

В тоже время следует обратить внимание автора на некоторые казусы суждений и представлений:

во-первых, акцентируя внимание на представления В.С. Соловьева, защитника нравственного отношения к преступникам, автор заявляет, что «смертная казнь принципиально лишает преступника возможности исправиться» (С. 143). Не возражая этому факту, что отдельное мертвое не может быть исправлено, мы обращаем автора на общество, состоящее из живых, которые даже будучи не в меру разумны, могут этот факт отнести на свой счет и тем уберегут общество от покушения на него;

во-вторых, на странице 144 автор пишет, что «преступник помещается в пенитенциарную систему». В нее можно поместиться и в качестве генерала, а попавшись на коррупцию – в качестве преступника. Наверное, преступник помещается в исправительное учреждение, тогда как пенитенциарная система есть нечто большее чем исправительное учреждение;

в-третьих, автор то исключает государство из субъектов благотворительности, то опять же включает, говоря о том, что власть рабочих и крестьян также являет собой благотворительность, например, в форме доступного образования для заключенных (С.

152). Вряд ли подобные деяния государства можно отнести к благотворительности, они конституируются как обязательные, т.е. принудительные, политические;

в-четвертых, определение некоторых отношений не совсем понятны. Так тюрьма для автора есть столкновение с «высшей действительностью». (С. 165) Что такое высшая действительность, а что такое низшая действительность? Мы не нашли у автора;

в-пятых, в последнем параграфе третьей главы, посвященному актуальному опыту воздействия благотворительности на современную пенитенциарную систему России, представлена демонстрация результатов социально-философского анализа в виде уникального опыта самого автора, 10, а то и более лет, занимающегося благотворительностью, связанной с российской пенитенциарной системой. Это опыт связан с включением религиозных организаций в формирование отношений между заключенными различных конфессий, вылившимся в некоторую систему договоренностей не актуализировать религиозные различия в среде заключенных, а пасторство направить на формирование общих мировоззренческих установок, присущих и схожих для всех конфессий. По мнению автора экуменическая деятельность в пенитенциарной системе принесла позитивные плоды, в чем больше сомнений чем согласия. Внедрение различных церквей в организации, для которых национально-религиозный признак не является основополагающим, есть инкорпорация дополнительных различий, на чем и зиждется конфликт. С допущением церкви к пенитенциарной системе в ней зарождается двоевластие – власть государства-закона и власть церквей, которые в своем смирении перед государственной властью, возвышаются над ней смирением человека перед церквями;

в-шестых, автор кажется мало понимает в какой системе отношений творится новая благотворительность. За всеми формами благотворительности стоит капитал, превращая дарение в товар, что не должно превращаться в последний. Тем самым благотворительность превращается в дополнительные условия закабаления как отдельных индивидов, провинившихся перед обществом и государством, так и целые страны. Если бы автор не ограничился философским анализом явления вне исторически-конкретной сущности, то смог бы заметить ее отрицательные стороны, стократно унижающие достоинство человека, в каком бы унижении он не находился в результате господства исторически определенной системы отношений;

Диссертация Пирогова Алексея Александровича на тему: «Социально-философский анализ воздействия благотворительности на формирование пенитенциарной системы», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Пирогов Алексей Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета
доктор политических наук,
профессор, профессор

Стребков А.И.